

Д. Д. Галанин

**Леонтий Филиппович
Магницкий и его
Арифметика**

Выпуск 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 51
ББК 22.1
Д11

Д11   **Д. Д. Галанин**
Леонтий Филиппович Магницкий и его Арифметика: Выпуск 1 / Д. Д. Галанин – М.: Книга по Требованию, 2012. – 72 с.

ISBN 978-5-458-27242-1

Имя Магницкого известно почти каждому образованному человеку в России, но личность Магницкого неизвестна и тем немногим лицам, кто интересуется прошлым в культурном развитии этого государства. Я позволю себе сделать попытку очертить личность этого во всяком случае выдающегося педагога и мыслителя по тем скудным источникам, которые имеются в моем распоряжении. Такими источниками я считаю два сочинения Леонид Филипповича: его Арифметику и записку по делу Тверитинова. На последнее сочинение как будто не было обращено совершенно внимания, а между тем оно, по моему мнению, проливает некоторый свет как на служебное положение Магницкого в школе навигацких наук, так и на самую личность автора.

ISBN 978-5-458-27242-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Имя Магницкаго извѣстно почти каждому образованному человеку въ Россіи, но личность Магницкаго неизвѣстна и тѣмъ немногимъ лицамъ, кто интересуется прошлымъ въ культурномъ развитіи этого государства; ариметика Магницкаго извѣстна очень немногимъ. И позволю себѣ сдѣлать попытку очертить личность этого во всякомъ случаѣ выдающагося педагога и мыслителя по тѣмъ скуднымъ источникамъ, которые имѣются въ моемъ распоряженіи. Такими источниками я считаю два сочиненія Леонтія Филипповича: его ариметику и записку по дѣлу Тверитинова. На послѣднее сочиненіе какъ будто не было обращено совершенно вниманія, а между тѣмъ оно, по моему мнѣнію, проливаетъ нѣкоторый свѣтъ какъ на служебное положеніе Магницкаго въ школѣ навигацкихъ наукъ, такъ и на самую личность автора. Къ сожалѣнію, исторія школы какъ будто не разработана, и мнѣ въ этомъ отношеніи приходится руководствоваться лишь обстоятельнымъ трудомъ г. Бобынина и тѣмъ, что можно найти объ этой школѣ въ „Исторіи Россіи“ С. М. Соловьева. Вотъ всѣ тѣ слишкомъ скудные источники, которые находятся въ моемъ распоряженіи, и если я рѣшаюсь на основаніи ихъ передать то, что я вынесъ изъ ихъ изученія, то это я дѣлаю исключительно потому, чтобы обратить вниманіе болѣе меня вооруженныхъ лицъ на личность человека, забвеніе котораго въ русскомъ обществѣ мнѣ кажется обиднымъ и незаслуженнымъ. Быть-можетъ, кто-нибудь, прочитавъ мой слабый трудъ, возьметъ на себя ознакомиться съ архивомъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и дастъ тотъ очеркъ жизни и дѣятельности Магницкаго, въ которомъ такъ нуждается русское общество. Въ заключеніе приношу искреннюю благодарность Сергію Владимировичу Орлову и Александру Федоровичу Луговскому за ихъ любезное содѣйствіе при составленіи этой книги.

Глава I.

Характеристика времени и общества, когда жилъ Магницкій.

Магницкій жилъ на границѣ того вѣка, когда русская философская мысль, уставъ отъ религіозныхъ споровъ, съ особенной настойчивостью бросилась въ новую для нея область естествознанія и готовилась къ рожденію всемірнаго гевія въ лицѣ Ломоносова. Въ теченіе всего XVIII-го вѣка мы видимъ рядъ русскихъ выдающихся ученыхъ въ области естествознанія, среди которыхъ можно отмѣтить, помимо академиковъ и профессоровъ Московскаго университета, каковы: Лепехинъ, Германъ, Леманъ, Вельяминовъ, Зибелинъ и пр., такихъ ученыхъ, какъ графъ Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ (1692—1766), который впервые наблюдалъ свѣточувствительность солей желѣза и изобрѣлъ особую желѣзную тинктуру (*tinctura tonico-nervina Bestoucheffi*); графъ Мусинъ-Пушкинъ (1760—1805), который впервые получилъ безцвѣтный прозрачный фосфоръ и при его помощи возстановилъ растворы угольной кислоты въ углеродъ, открылъ новыя соли платины (платино-хлористо-водородной) и подробно изслѣдовалъ хромъ, онъ же первый далъ способъ приготовленія вольфрамо-кислаго натра; Дмитрій Голицынъ изучалъ вліяніе газовъ на сѣмена, открылъ свойство фіолетоваго сибирскаго хлорофона (CaF_2) принимать при нагреваніи зеленый цвѣтъ, а при охлажденіи вновь переходить въ фіолетовый; графъ Разумовскій изучилъ синтетическое приготовленіе колчедана и открылъ минералъ, до сихъ поръ носящій его имя (*Rasoumoffski* *). Кромѣ аристократическихъ слоевъ, и средній классъ далъ знаменитыхъ химиковъ; такъ, Андрей Баташовъ (род. 1750) усовершенствовалъ металлургическую печь Реомюра, а Иванъ Ивановичъ Ползуновъ построилъ первую паровую машину для

*) Дневникъ 2-го Менделѣевского съѣзда, № 8, ст. 132. Докладъ г. Вальдски— „О развитіи химіи въ Россіи“.

вдуванія воздуха (1766) на Барнаульскомъ заводѣ *). Среди этихъ лицъ нельзя пройти молчаніемъ и перваго русскаго экономиста Ивана Тихоновича Посошкова, который, по авторитетному свидѣтельству г. Кизеветтера, впервые высказалъ такіа экономическія идеи, которыя являлись новостью даже для западно-европейской науки, а другія еще до сихъ поръ ждутъ своего окончательнаго признанія и практическаго осуществленія **). Вотъ передъ нами крѣпостной человѣкъ графа Шереметева, прибыльщикъ Алексѣй Александровичъ Курбатовъ, оберъ-инспекторъ ратушнаго правленія. Вотъ мѣщанинъ Кипріановъ, бібліотекаръ Московской Навигацкой школы и издатель разныхъ книгъ. Вотъ простолюдинъ Иванъ Кирилловъ, первый составитель географическаго атласа Россіи.

Изъ этого краткаго перечня ученыхъ физиковъ и химиковъ, надъ которыми возвышается Михайло Ломоносовъ, опередившій свой вѣкъ почти на столѣтіе, а можетъ быть, и больше, мы видимъ, что естественно-научная мысль занимала если и не господствующее мѣсто, то во всякомъ случаѣ очень видное мѣсто среди другихъ научныхъ теченій. Начало вѣка, тѣсно сливаясь съ концомъ предшествующаго столѣтія, ознаменовалось глубокими религіозными сомнѣніями и ожесточенными религіозными спорами. Исправленіе текста богослужебныхъ книгъ, сдѣланное по желанію царя Алексѣя Михайловича, глубоко и сильно взволновало русскую религіозную мысль; это волненіе было тѣмъ значительнѣе, что вновь исправленныя книги вводились въ жизнь военной силой, при чемъ явилось много людей, пострадавшихъ за вѣру, за то, въ чемъ они видѣли высшее назначеніе своей жизни—спасеніе души. Споръ съ такъ называемыми раскольниками не имѣетъ исключительно церковнаго характера; это не мелочь буквы,—это борьба двухъ противоположныхъ міропониманій: старо-русскаго общественнаго и новаго—значеніе преобладающей власти. Не даромъ Петръ считалъ раскольниковъ врагами государственнаго строя, политически неблагонадежными людьми; ихъ міропониманіе рѣзко противорѣчило той идеѣ, которая была скрыта подъ символомъ—исправленіе богослужебныхъ книгъ. Мыѣ всегда казалось страннымъ, почему наши ученые, вслѣдъ за правительственными агентами, обвиняли раскольниковъ въ приверженности къ буквѣ, къ обряду. Если это неважно, несущественно, то за что же было заставлять такъ страдать хотя того же Аввакума, боярыню Мо-

*) Модель машины хранится въ Барнаульскомъ горномъ музеѣ. См. Брандтъ—„Исторія первыхъ машинъ“. „Нива“ за 1913 г., № 19.

**) Иванъ Посошковъ. Книга о скудости и о богатствѣ. Предисловіе.

розову и др.? Въ этой борьбѣ произвола власти и искренняго религіознаго увлеченія вся симпатія непредубѣжденнаго читателя на сторонѣ гонимыхъ. Прочтите у Забѣлина біографію Морозовой, и вамъ станетъ ясно, что въ этомъ гоненіи, во всемъ томъ, что она испытала и претерпѣла, не было никакой религіозной идеи со стороны ея мучителей, а лишь одно желаніе заставить ее сдѣлать по-своему. Пусть она перекрестится тремя перстами по-православному—и все будетъ окончено. Развѣ въ этомъ требованіи есть догматическій смыслъ? Развѣ за крестъ по-раскольничьи можно человѣка заковать въ желѣзо, лишить всѣхъ удобствъ жизни и подвергнуть пыткамъ? Нѣтъ, тутъ дѣло не въ крестѣ, а въ иномъ: нужно было покориться власти царя, сдѣлать то, что онъ хочетъ, и такъ, какъ онъ хочетъ. Морозова не хотѣла исполнить этого и страдала не за вѣру, а за свое непокорство. Раскольники были не врагами церкви, а врагами государства, какъ понимали государство при Московскомъ дворѣ. Это хорошо сознавали и москвичи и вся Россія, а потому борьба и приняла столь ожесточенный характеръ, ибо здѣсь боролись два совершенно противоположныхъ міровоззрѣнія. Побѣда осталась на сторонѣ правящей власти, но эта власть потеряла въ глазахъ населенія свой ореолъ святости, защитницы религіи, а въ силу этого ослабѣли и самыя религіозныя основы. Религія и право потеряли въ глазахъ населенія свою внутреннюю цѣнность и получили значеніе лишь формы жизни, направляемой не божественными установленіями, а произволомъ власть имущихъ лицъ. Вотъ почему, когда схлынула первая волна остраго столкновенія двухъ теченій, когда первые борцы раскола покончили свои земные счета, и народилось новое поколѣніе, то среди рядовыхъ, почти индифферентныхъ наблюдателей жизни, возникло сразу два стремленія. Одно изъ нихъ можно характеризовать какъ критическій анализъ предметовъ вѣры, а другое—необходимость изученія наукъ, какъ пособіе къ этому анализу. Къ этому религіозному водовороту присоединился политическій: и было время, когда люди какъ бы потеряли одновременно и вѣру въ Бога и уваженіе къ царской власти; когда Дмитрій Тверитиновъ отрицалъ св. таинства, а Иванъ и Аванасій Нарышкины примѣняли къ себѣ царскую порфиру. Гевій Петра, авторитетъ его личности, особенно послѣ Полтавской побѣды, спасли государство и царскую власть; но разрушеніе стараго міровоззрѣнія какъ религіознаго, такъ и этическаго продолжалось непрерывно. Самымъ важнымъ въ этомъ отношеніи было то, что новое нравственное міровоззрѣніе, уничтожая авторитетъ традицій, вводило въ жизнь совершенно новое начало—значеніе

личности и ея авторитетъ, а отсюда, какъ естественное слѣдствіе, необходимо и обязательно вытекало презрѣніе къ лицамъ, ниже стоящимъ по ступенямъ общественной жизни. Самъ Петръ рѣзко порвалъ всякую связь со старымъ; старое онъ считалъ не только отжившимъ, но даже опаснымъ и вреднымъ, и въ то же время всѣ поступки Петра носятъ одинъ и тотъ же отгѣнокъ презрѣнія къ людямъ. Онъ не только не стѣсняется плюнуть въ лицо надобѣшаго ему собесѣдника или ударить его, но подвергаетъ своихъ гостей временному аресту, ставя при дверяхъ стражу, во время веселаго пира. Онъ одинаково глумится какъ надъ религіозными, такъ и гражданскими формами быта, выдвигая на первый планъ свою личную волю, свое желаніе, свою мысль. Спускаясь ниже отъ главы государства, мы наблюдаемъ тотъ же общій характеръ взаимоотношеній правительственныхъ лицъ, доходящій до общепризнанной идеи „подлаго рода людей“. Но тамъ, внизу, нельзя было разойтись во всю, — слишкомъ зорокъ былъ глазъ царя, и не всегда ему можно было угодить, проявляя личную волю, а потому дѣятельность всѣхъ подчиненныхъ лицъ сдерживалась въ нѣкоторыхъ предѣлахъ законности; но эта законность опиралась не на общія постановленія правительства, а исключительно на волю царя. Все это съ чрезвычайной ясностью выступаетъ въ дѣлѣ Дмитрія Тверитинова. Уже по самой сущности дѣла ясно, что оно должно подлежать разбору духовнаго суда, какъ ересь; однако, по предписанію царя, его разбираетъ Сенатъ, не допуская иногда даже блюстителя патріаршаго престола на свои засѣданія *). Въ этомъ фактѣ полное нарушеніе основныхъ, неотмѣненныхъ законовъ, однако, никто изъ дѣйствующихъ лицъ этого не отмѣчаетъ, но всѣ говорятъ лишь о волѣ царя, о его личныхъ приказаніяхъ и только. Вчитываясь въ самое дѣло, особенно въ то, какъ оно изложено Магницкимъ, ясно видно, какъ авторитетъ Петра господствовалъ надъ всей жизнью тогдашней Россіи, но это былъ авторитетъ личности, а не авторитетъ власти, однако, вмѣстѣ съ авторитетомъ, какъ его неизбежный спутникъ, господствовалъ и произволъ личности царя. Здѣсь я особенно подчеркиваю, что Петръ для своихъ современниковъ былъ авторитетомъ не какъ глава государства, а какъ личность, особо одаренная. Въ немъ сочетались и могущество власти и авторитетъ личности, и это послѣднее дѣлало его распоряженія особенно обязательными для лицъ, такъ или иначе съ нимъ соприкасающихся. Однако, въ толщѣ народныхъ массъ все же оставалось сомнѣніе, была возможность

---

*) Записки Л. Магницкаго по дѣлу Тверитинова, стр. 35.

критики, которая подрывала основы власти и заставляла искать новых обоснований, новых путей жизни. Новое не могло замѣнить старое безъ борьбы, тѣмъ болѣе ожесточенной, что произволъ всегда останется произволомъ, хотя бы онъ имѣлъ за собою царскій авторитетъ. Спорить съ Петромъ было опасно, порицаніе его жизни и дѣятельности грозило слишкомъ серьезными послѣдствіями, а потому весь вопросъ о новыхъ и старыхъ путяхъ жизни перешелъ въ область религіозныхъ вопросовъ, гдѣ престору было гораздо больше.

Здѣсь, въ области религіи, насколько можно судить по историческимъ даннымъ, дѣло началось среди высшихъ представителей духовной іерархіи по частному, чисто академическому вопросу о томъ, когда Св. Дары пресуществляются въ таинствѣ евхаристіи. Полоцкий и Сильвестръ Медвѣдевъ доказывали, что это происходитъ въ то время, когда священникъ говоритъ: „Примите и ядите“... Сторонники восточной церкви утверждали, что это происходитъ по молитвѣ къ Богу Отцу о ниспосланіи Св. Духа силою заслугъ Иисуса Христа.

Интересно отмѣтить, что въ верхнихъ слояхъ русскаго общества этотъ чисто академическій вопросъ вновь перешелъ на личную почву. Когда-то самъ патріархъ держался того же мнѣнія, какъ и его противники *); очевидно, что дѣло было не въ томъ, когда именно пресуществляются Св. Дары, а въ томъ, за кѣмъ останется политическая побѣда, кто будетъ руководить вопросами жизни. Г. Пыпинъ справедливо отмѣчаетъ, что сущность спора была въ томъ, кто останется наверху—греческая ли партія или новое, логическое направленіе.

Этотъ чисто академическій богословскій споръ перешелъ въ народныя массы, гдѣ также стали горячо обсуждать время пресуществленія. Причиной этого была не важность самаго вопроса, а та аргументація, къ которой прибѣгали несогласныя другъ съ другомъ лица. Въ этой аргументаціи, съ одной стороны, выдвигали важность преданія (бр. Лихуды, патріархъ Іоакимъ, инокъ Евемій), а съ другой—научную обоснованность, которая опиралась на ученія богословскія сочиненія Запада и на философію Аристотеля.

Такимъ образомъ, какъ и въ вопросѣ раскола, споръ вышелъ за предѣлы своей основной темы и перешелъ въ ту область, гдѣ онъ былъ интересенъ по существу и важенъ не потому, что онъ выяснялъ время пресуществленія, а потому, что онъ затрагивалъ

---

*) Пыпинъ. „Исторія русск. лит.“. II, стр. 369.

основные вопросы народнаго міропониманія, онъ разрушалъ то, что до сихъ поръ служило основой русской жизни, что считалось незыблемымъ, на что опирались въ случаѣ выясненія какихъ-либо религиозныхъ сомнѣній. Правительство усмотрѣло въ книгахъ Медвѣдева подрывъ правой вѣрѣ, потрясеніе основъ русской жизни, и это было вѣрно; но оно забыло, что этотъ подрывъ старымъ устоямъ даетъ сама жизнь, что онъ разлитъ въ мельчайшихъ проявленіяхъ жизни, а сочиненія Сильвестра есть только констатированіе факта. Уничтожая сочиненія, люди закрывали для себя возможность поставить правильный діагнозъ заболѣванія и, проявляя ненужную жестокость надъ личностью, тѣмъ самымъ способствовали распространенію и укрѣпленію его міровоззрѣнія.

Я уже говорилъ, что споръ перешелъ изъ академическихъ сферъ въ народныя массы: „не только мужіе, но и жены и дѣти“, вездѣ, гдѣ случится, „на пиршествахъ, на торжествахъ въ яковомъ-либо мѣстѣ, временно и безвременно“ толковали о „тайнствѣ тайнствъ... какъ пресуществляется хлѣбъ и вино и въ кое время и кѣими словесы“. Интересно, какъ происходитъ эти споры, какими аргументами спорщики подкрѣпляли свое доказательство. Г. Милоковъ говоритъ, что здѣсь „старина защищалась аргументами западнаго богословія“*). Это—очень мѣткое выраженіе, характеризующее полемическіе приемы людей противоположныхъ мнѣній, что особенно видно опять-таки изъ дѣла Тверитинова, которое позволяетъ еще глубже проникнуть въ сущность того общественнаго настроенія, какое было въ московскомъ обществѣ въ разсматриваемое время.

Но прежде, чѣмъ переходить къ разсмотрѣнію диспутовъ, необходимо разсмотрѣть самую ересь, такъ какъ она проливаетъ яркій свѣтъ на умственное броженіе и ту среду, въ которой это броженіе происходило. Дмитрій Евдокимовичъ Тверитиновъ по своему происхожденію былъ чернослободцемъ г. Твери, гдѣ его фамилія была Дерюжкинъ или Дерюшкинъ. Прозвище Тверитинова онъ, вѣроятно, получилъ во время своего ученія. Согласно его показанію, онъ участвовалъ въ первомъ Азовскомъ походѣ въ качествѣ аптекарскаго ученика при иноземныхъ лѣкаряхъ Иванѣ Термантѣ и Филимонѣ Генникѣ, очевидно, молодымъ человѣкомъ. Пройдя подъ ихъ руководствомъ лѣкарскую науку, онъ вернулся въ Москву, гдѣ и занялся врачебной практикой. Здѣсь онъ женился на дочери купца Алексѣя Якимовича Олесова Ксеніи и поселился въ приходѣ Спаса-Преображенія, что на Глинищахъ.

---

*) Милоковъ. „Очерки по исторіи русской культуры“. Ч. II, стр. 165.

Эти біографическія данныя позволяютъ установить время тѣхъ сомнѣній, которыя возникли у Дмитрія, очевидно, отчасти въ походѣ при общеніи съ иноземными врагами, а отчасти уже въ Москвѣ при участіи въ ожесточенныхъ спорахъ о пресуществленіи Св. Даровъ. Дѣло въ томъ, что тесть его Алексѣй Якимовичъ говорилъ своему сыну, будущему иноку Пафнутію, который только что вернулся изъ Соловецкаго монастыря, что въ его отсутствіе онъ выдалъ свою дочь замужъ „за нѣмчина не природнаго, но вѣрою, понеже-де Лютерская разумнѣія глаголетъ истинна быти, наша же святая Церковь разумнѣія уничтожаетъ“. Въ то же время приходскій погѣ ц. Спаса, Потапій, говоритъ, что онъ не замѣтилъ въ Дмитріи никакихъ противностей святой Церкви, что Дмитрій бывалъ у него на исповѣди, но только не причащался св. Таинъ; но что онъ ходилъ къ нему въ домъ совершать молебное пѣніе и „со всякими потребами“. Въ домѣ онъ видѣлъ картину, на которой по черному фону была написана золотыми буквами первая заповѣдь вторыхъ книгъ Моисеевыхъ: „Азъ есмь Господь Богъ твой и т. д.“.

Такимъ образомъ, очевидно, что Дмитрій вернулся изъ похода уже полнымъ религіозныхъ сомнѣній, о которыхъ онъ говоритъ въ кругу близкихъ ему людей, но эти люди смотрѣли на эти сомнѣнія, какъ на нѣчто любопытное, но не опасное; они съ нимъ внутренне не соглашались, но не могли и его убѣдить въ справедливости своей вѣры. Здѣсь любопытно то, что Олесовъ не побоялся отдать свою дочь за Дмитрія, хотя характеризовалъ его какъ еретика.

Чтобы понять это, надо вспомнить, что мы имѣемъ не совсѣмъ вѣрное представленіе о людяхъ того времени. Жители Москвы далеко не были столь православными, какъ это рисуется намъ при изученіи исторіи. Здѣсь возникали крупныя религіозныя вопросы и крупныя сомнѣнія хотя бы по тому же вопросу о почитаніи иконъ. Еще въ 1651 году отмѣчено дѣло Ѳедора Шиловцева, который говоритъ, что не слѣдуетъ поклоняться св. иконамъ: „всякому чело-вѣчу можно Бога умными очами видѣть“^{*)}).

Любопытно и дальше. Будущій инокъ Пафнутіи, какъ онъ говоритъ, не былъ въ состояніи опровергнуть слова Дмитрія и вначалѣ ему уступалъ. Причиной такой уступчивости, какъ онъ говоритъ, было его невѣжество; это невѣжество особенно ярко проявилось потому, что Дмитрій выписалъ изъ Библии цѣлую тетрадь различныхъ текстовъ, очевидно, изучивъ вопросъ подъ влияніемъ разговоровъ съ иноземцами. Тогда Пафнутіи самъ засѣлъ за изученіе Библии и составилъ книгу „Рожденецъ Духовный“, опровергающую доводы сво-

---

^{*)} Соловьевъ. Т. XIII, стр. 757.

его шурина. Такимъ образомъ, новыя мысли вынуждали разныхъ лицъ заняться изученіемъ св. писанія. Но не одно только св. писаніе нужно было изучить, но и что большее; для изученія этого большого необходимо было знаніе латинскаго языка, и вотъ торговый челоѣкъ овоцного ряда Никита Мартыновъ засѣлъ за латынь. Вначалѣ онъ кое-что выучилъ самоучкой, а потомъ прибѣгъ къ помощи Ивана Максимова, ученика славяно-греко-латинской академіи. Все это рисуеъ намъ яркую картину того, какъ средніе люди на переломѣ XVІІ и XVІІІ вѣковъ старались уяснить себѣ волновавшіе общество вопросы, и какъ при рѣшеніи ихъ приходили къ необходимости все большаго и большаго знанія. Они стремились къ этому знанію, искали его; они не только читали все то, что можно было достать, но и бесѣдовали съ тѣми, кто больше ихъ зналъ. Такъ, самъ Дмитрій, стремясь провѣрить свои сомнѣнія, очевидно, не переставалъ учиться и стремился познакомиться съ выдающимися богословами того времени. Съ этой цѣлью онъ познакомился съ бывшимъ префектомъ славяно-латинской школы учителемъ философіи Стефаномъ Прибыловскимъ, у котораго встрѣтилъ его сожителя, префекта іеромонаха Гавріила, видѣлся съ Ѳеофилактомъ Лопатинскимъ и велъ съ ними бесѣду на ту же тему. Все это было задолго, почти за 7 лѣтъ до возникновенія самаго дѣла, и, очевидно, всѣ эти разговоры разсматривались, какъ учебныя академическіе диспуты, на чемъ очень настаивалъ Тверитиновъ при своихъ показаніяхъ въ Сенатѣ, да и свидѣтели говорили, что, возбуждая споръ, Дмитрій всегда оговаривался, что онъ является якобы только представителемъ того, что говорятъ лютеране. Такъ говорили обвинители, и можно думать, истина была на сторонѣ Тверитинова, такъ какъ самъ онъ и всѣ другіе участники споровъ, бывшіе на сторонѣ Тверитинова, легко отказывались отъ своихъ взглядовъ, и можно думать, что ихъ собственно интересовалъ не вопросъ вѣры, а вопросъ чистаго знанія: просто имъ хотѣлось уяснить, какъ съ точки зрѣнія научной обоснованности можно разсмотрѣть эти вопросы. Если мы учтемъ, что во всемъ этомъ дѣлѣ противники проявили гораздо больше настойчивости въ обвиненіи, чѣмъ справедливости, то, можно думать, что, дѣйствительно, весь споръ имѣлъ чисто академическій характеръ.

Само дѣло интересно не по своей темѣ, а по тѣмъ подробностямъ, какія мы въ немъ наблюдаемъ; здѣсь ясно видно, какъ релігіозныя сомнѣнія приводили къ необходимости знанія, къ необходимости знакомства съ литературой вопроса, которая, съ одной стороны, уходила въ изученіе св. писанія и отцовъ церкви, а съ другой—въ область философіи; философія приводила къ есте-